

Н.Ю. Власова

ПОЗИЦИИ КРУПНЫХ И БОЛЬШИХ ГОРОДОВ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ РЕГИОНОВ РОССИИ: КЕЙС УРАЛА

В статье анализируются позиции крупных (от 250 до 1000 тыс. чел. населения) и больших (от 100 до 250 тыс. чел.) городов в экономическом пространстве регионов (на примере Уральского макрорегиона). Пространственная значимость оценивалась по удельным весам в численности населения, инвестициях, объеме выпуска обрабатывающих производств, обороте розничной торговли, вводе жилых домов. Выявлены диспропорции по всем показателям, что указывает на нарушение нормальной пространственной структуры, деформацию экономического пространства. Большие и крупные города Урала отличаются малолюдностью, а их удельный вес в обороте розничной торговли и вводе жилых домов ниже, чем в демографических показателях. Традиционная индустрия является единственным «якорем», который сохраняет сложившуюся структуру расселения. По сравнению с 2007 г. в 2017 г. пространственная значимость крупных и больших городов Урала в целом снизилась. Крупные и большие города перестают выполнять функцию центров торговли и обслуживания для населения близлежащих территорий. Сохранение сложившейся ситуации обуславливает риски роста несбалансированности национального экономического пространства, требует опережающего развития крупных и больших городов.

Ключевые слова: экономическое пространство; крупнейшие города; крупные города; большие города; урбанизация; Урал; пространственная значимость; регион

Для цитирования: *Власова Н.Ю. Позиции крупных и больших городов в пространственных трансформациях регионов России: кейс Урала // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 263–288. DOI: 10.15372/REG20220109.*

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Характерной чертой пространственного развития России стала концентрация экономической активности в городах с численностью населения более 1 млн чел. и административных центрах. Ярко проявляется противоречие между узкоэкономическими выгодами от использования факторов производства в крупнейших агломерациях и перспективной потребностью в сбалансированной полицентрической структуре расселения и хозяйственного освоения территории. Более того, проблема рационального соотношения населенных пунктов России в демографических и социально-экономических пропорциях имеет не только сугубо экономическое, но и геополитическое измерение. Поэтому представляется важным развитие научных представлений о структурных соотношениях разных типов городов и их пространственных позициях в региональной экономике.

Пространственные позиции в данном случае означают роль и место городов в пространственной организации экономической деятельности в стране и регионе. Эти позиции характеризуются удельным весом городов по экономическим, демографическим и иным показателям, отражающим распределение населения и деловой активности. Чем выше удельный вес и степень концентрации, тем больше пространственная значимость городов соответствующего типа как точек притяжения ресурсов и экономического развития. С течением времени эти пространственные позиции изменяются, пространственная значимость одних городов растет, других – снижается, иными словами, происходит пространственная трансформация регионов, территориальное перераспределение факторов производства.

В последние годы растет пространственная значимость Москвы, Санкт-Петербурга, большинства городов-миллионников. Данная ситуация может указывать на ослабление пространственных позиций крупных и больших городов, что чревато определенными рисками. Известно, что национальный экономический рост серьезно зависит от «вторых» городов, а также от растущих городов, не входящих в категорию миллионников [9, с. 3]. Кроме того, крупные и большие города России образуют опорный каркас расселения. Их деградация вызывает общий упадок целых районов и регионов, приводит к дальнейшему усилению несбалансированности экономического пространства.

ОБЗОР ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ КРУПНЫХ И БОЛЬШИХ ГОРОДОВ

Исследования экономики городов сосредоточены по преимуществу на изучении процессов урбанизации как таковой [18; 19; 21], концентрации ресурсов, экономической активности в городах-миллионниках и административных центрах [5; 14; 16; 30], факторов и причин изменения экономических позиций городов и регионов, включая инновационные [2; 3; 6; 7; 11; 23; 27]. При этом недостаточное внимание уделяется изучению позиций разных категорий городов, в частности роли крупных и больших городов. В то же время экономические и демографические пропорции между разными категориями городов постоянно меняются даже при достижении финальной стадии урбанизации. Так, в США за 2000–2010 гг. при общем приросте населения свое население теряли 49 городов, включая Чикаго, что обусловлено продолжавшимся сжатием традиционных промышленных производств на северо-западе страны [20].

Существенное значение для объяснения динамики позиции города в экономическом пространстве имеет его специализация. Обычно проводится грань между «экономическими» и «политическими» городами, хотя реальные города будут смешанными типами [28]. Города, чей рост обусловлен выполнением административных и социальных функций, отличаются более быстрой динамикой (положительной или отрицательной) численности населения, экономической активности. Рост «экономических» городов происходит медленнее, но более стабилен и устойчив. Поэтому необходимо учитывать наличие функций административного центра. Важны и факторы транспортно-географического положения. Так, например, темпы роста крупнейших городов зависят от близости к портам и магистралям [22].

Более глубокий подход к анализу пространственных позиций городов предполагает использование теории дифференциальной урбанизации. В соответствии с ней соотношение удельных весов крупных, средних и малых городов в численности населения меняется [12]. На старте урбанизации быстрее всего растут крупные города за счет мелких, а в завершающей ее фазе уже средние города отстают от мелких и крупных. Некоторые исследования показывают, что в глобаль-

ной экономике наиболее динамично растут мегаполисы с численностью населения более 10 млн чел. [30].

Однако это проявляется не везде. В Латинской Америке крупные города росли даже быстрее таких мегаполисов, как Сан-Паулу, Буэнос-Айрес и Мехико [17]. В ходе урбанизации континентальной части Бразилии (Амазонии) удалось избежать чрезмерной концентрации населения в крупнейших городах, сформировалась устойчивая структура расселения, ведущие позиции в которой занимают крупные и средние города. Это выгодно отличает городскую систему Амазонии от ситуации на побережье Бразилии, где чрезмерный рост мегаполисов (Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро) вызвал многие социальные проблемы [24].

Сравнительный анализ разных городов Китая показал, что увеличение численности населения свыше 1,5–3 млн чел. (в зависимости от региона) не приводит к дальнейшему ускорению экономического роста за счет агломерационных эффектов, но создает более благоприятные условия для решения экологических проблем. Однако этот эффект прекращается при достижении численности в 8 млн чел. Поэтому в условиях централизованно регулируемой экономики Китая наиболее перспективны города с населением 2–5 млн чел. [29]. Рост мегаполисов должен сдерживаться.

В России существенную роль в экономическом пространстве играют города с численностью населения более 1 млн чел. При этом удельный вес городов-миллионников в социально-экономических показателях страны обычно значительно превышает долю в численности населения. Однако в течение 2000-х годов удельный вес миллионников России по численности населения в регионах присутствия монотонно возрастал, тогда как аналогичные показатели по обороту розничной торговли и объему выпуска обрабатывающих производств были неустойчивыми [10]. Это косвенно указывает не только на опережающее развитие сферы услуг, но и на противоречие между ростом населения и ограниченной продуктивностью человеческого капитала, на ослабление агломерационного эффекта.

В то же время агломерационный подход, когда как единый объект рассматривается совокупность разных по размеру городов, имеет определенные методические ограничения [25]. Прежде всего, игнори-

руются объективные различия городов разного размера внутри агломерации, в которых могут проходить процессы, не выявляемые при укрупненном анализе. В этом свете интересна выделенная в исследовании агломераций Германии категория медленно растущих городов, к которым относятся, например, Вальдкирх и Херсбрукк. Это небольшие (до 50 тыс. чел.) города с очень высоким уровнем развития, которые успешно сохраняют свою идентичность и в то же время пользуются преимуществами агломерации. Экономический вес таких городов растет [26].

В более позднем исследовании всего круга российских городов с численностью населения свыше 100 тыс. чел. при использовании в качестве показателей экономического развития объема инвестиций в основной капитал, оборота розничной торговли и ввода жилья показано, что кризисные тенденции вызвали сближение разных категорий муниципалитетов, включая миллионники. Произошло «негативное выравнивание», связанное с тем, что лидирующие города больше пострадали от кризиса. При этом Московская агломерация опередила (или практически догнала) все вместе взятые города-миллионники. Так, города-миллионники в 2017 г. получили 8,5% общероссийских инвестиций в основной капитал, а Московская агломерация – 20% [4].

Другие группы городов России, включая большие, средние и малые, привлекают значительно меньший исследовательский интерес. Известно, что численность их населения в течение всей новейшей российской истории сократилась на треть [13], пространственная значимость таких городов в целом падает. Хорошо известна также тенденция перемещения населения и факторов производства из малых и средних городов в областные центры [1].

Таким образом, имеющиеся исследования не позволяют в полной мере охарактеризовать значимость крупных и больших городов. Во-первых, отдельно изучаются только миллионники и региональные столицы, тогда как различий между другими категориями городов не проводится. Во-вторых, полигоном проведенных исследований была Российская Федерация в целом, что не дает возможности охарактеризовать региональную специфику пропорций. В-третьих, для анализа обычно используются показатели численности населения, реже – объем производства или иной индикатор экономического развития,

при этом недостаточное внимание уделяется соотношению указанных величин, тогда как важно понять, являются ли тенденции изменения структуры населения и экономики однонаправленными или асинхронными.

Безусловно, вряд ли возможно говорить о некоторых четких количественных нормативах удельных весов крупных и больших городов в численности населения и показателях экономического развития. Однако исходя из того, что уровень урбанизации в России составляет около 75%, можно считать более или менее сбалансированным такое распределение населения, при котором на крупные и большие города будет приходиться хотя бы 20–25% от общей его численности. Тогда на города-миллионники будет приходиться 30–35%, на средние и малые города – 15–25%. При таких пропорциях будет наблюдаться относительное соответствие закону Ципфа.

Исходя из изложенного целью исследования являются оценка в динамике позиций крупных и больших городов в экономическом пространстве регионов России, выявление факторов и условий, определяющих межрегиональные различия.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании принимается классификация городов, установленная действующими в России градостроительными правилами, где выделены следующие группы: крупнейшие с численностью населения более 1 млн чел. (города-миллионники); крупные с численностью населения от 250 тыс. до 1 млн чел., в том числе подгруппы с численностью от 250 тыс. до 500 тыс. чел. (в настоящем исследовании обозначаются как «крупные-1») и от 500 тыс. до 1 млн чел. («крупные-2»); большие с численностью населения от 100 тыс. до 250 тыс. чел.; средние с численностью населения от 50 тыс. до 100 тыс. чел.; малые с численностью населения менее 50 тыс. чел.* В данном исследовании автора интересуют группы крупных и больших городов.

---

* См.: *Свод правил* СП 42.13330.2016. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89 (с изменениями № 1, 2). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/456054209> .

Полигоном исследования является один из важнейших экономических макрорегионов России – Уральский в традиционных границах Уральского экономического района (см. рисунок), включая Пермский край и Республику Башкортостан (они входят в состав Приволжского федерального округа РФ, но традиционно рассматриваются в содержательном плане как регионы Урала). Таким образом, исследование охватывает следующие субъекты РФ: Республику Башкортостан, Пермский край, Оренбургскую, Свердловскую и Челябинскую области.

Выбор 2017 г. и 2007 г. в качестве хронологических рамок исследования объясняется стремлением рассмотреть долгосрочные трен-

Картограмма расположения крупнейших, крупных и больших городов
Уральского экономического района

ды, поскольку пропорции между разными типами городов обладают свойством инертности. Кроме того, в анализе предполагался учет влияния посткризисных факторов, которые сказывались на экономике городов, в частности, в 2008–2009 и 2014–2015 гг.

Для анализа позиций разных категорий городов использовались значения удельных весов таких показателей, как численность населения (ЧН), объем отгруженных товаров собственного производства (в части обрабатывающих производств, ТО), ввод в действие общей площади жилых домов (ПЖ), оборот розничной торговли (РТ), инвестиции в основной капитал (И). Первый из них напрямую определяет масштабы города, два следующих показателя отражают результаты и перспективы экономического развития, два последних – текущее и перспективное потребление.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗИЦИЙ КРУПНЫХ И БОЛЬШИХ ГОРОДОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Распределение групп городов Уральского макрорегиона по удельным весам в показателях экономического развития и численности населения за 2017 г. представлено в табл. 1. Даже описательная статистика указывает на значительный разброс социально-экономических позиций, в частности по демографическому потенциалу. Удельный вес крупных и больших городов в общей численности населения составляет от 5,5% в Пермском крае до 41,1% в Оренбургской области, коэффициент вариации при этом – около 61,5%, среднеквадратическое отклонение – около 13,2. Принципиально разная картина обусловлена наличием или отсутствием в регионе городов-миллионников. В Оренбургской области региональный центр является крупным городом, вместе с Орском они концентрируют значительную часть населения. В пространстве Пермского края доминирует региональный центр-миллионник и есть лишь один город из категории больших. В Республике Башкортостан, Свердловской и Челябинской областях система расселения имеет более акцентированный полицентричный характер, поэтому удельный вес населения больших и крупных городов ближе к медианному (около 18%).

Таблица 1

**Распределение групп городов Уральского макрорегиона по удельным весам
в показателях социально-экономического развития, 2017 г.**

Показатель	Крупнейшие	Крупные			Большие	Крупные и большие	Прочие
		всего	«крупные-1»	«крупные-2»			
<i>Республика Башкортостан</i>							
ЧН	27,6	6,9	6,9	0,0	9,8	16,7	55,7
ТО	57,3	2,8	2,8	0,0	11,9	14,7	28,0
ПЖ	51,9	8,6	8,6	0,0	22,8	31,4	16,7
РТ	55,5	7,3	7,3	0,0	8,4	15,7	28,8
И	27,4	4,5	4,5	0,0	7,3	11,8	60,8
<i>Пермский край</i>							
ЧН	40,1	0,0	0,0	0,0	5,5	5,5	54,4
ТО	49,5	0,0	0,0	0,0	7,4	7,4	43,1
ПЖ	59,2	0,0	0,0	0,0	17,1	17,1	23,7
РТ	60,2	0,0	0,0	0,0	6,8	6,8	33,0
И	49,4	0,0	0,0	0,0	5,7	5,7	44,9
<i>Оренбургская обл.</i>							
ЧН	0,0	29,3	0,0	29,3	11,8	41,1	58,9
ТО	0,0	41,8	0,0	41,8	15,9	57,7	42,3
ПЖ	0,0	35,3	0,0	35,3	9,4	44,7	55,3
РТ	0,0	55,2	0,0	55,2	10,1	65,3	34,7
И	0,0	52,2	0,0	52,2	2,9	55,1	44,9
<i>Свердловская обл.</i>							
ЧН	34,7	8,3	8,3	0,0	9,7	18,0	47,3
ТО	53,3	7,8	7,8	0,0	7,3	15,1	31,7
ПЖ	24,0	16,6	16,6	0,0	15,0	31,6	44,4

Окончание табл. 1

Показатель	Крупнейшие	Крупные			Большие	Крупные и большие	Прочие
		всего	«крупные-1»	«крупные-2»			
РТ	62,5	6,4	6,4	0,0	6,2	12,6	24,9
И	48,0	3,0	3,0	0,0	5,6	8,6	43,4
<i>Челябинская обл.</i>							
ЧН	34,4	11,9	11,9	0,0	13,9	25,8	39,8
ТО	36,3	34,4	34,4	0,0	3,8	38,2	25,5
ПЖ	35,1	34,2	34,2	0,0	5,6	39,8	25,1
РТ	57,5	11,8	11,8	0,0	10,0	21,8	20,7
И	49,4	7,4	7,4	0,0	9,3	16,7	33,9

Источник: составлено автором по: *Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2018 г.*: Стат. сб. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_14t/Main.htm .

Разделение по вкладу в общую численность населения крупных и больших городов указывает на влияние как системы расселения, так и административного фактора. По большому счету, демографические и пространственные пропорции в регионах детерминированы принадлежностью их столиц к группе крупнейших или же крупных городов. В регионах с более сбалансированной поселенческой структурой соотношение крупных и больших городов близко к паритетному (до 10–15% населения приходится на города указанных групп). Например, в Свердловской области жители крупных городов составляют 8,3%, больших – 9,7% от общей численности ее населения.

Таким образом, можно говорить о типичной структуре населения большинства регионов Урала, где 25–35% приходится на крупнейшие города, 7–12% на крупные и 10–15% – на большие. С точки зрения пространственной значимости это указывает на недостаточный уровень развития прежде всего крупных городов (как по общему их числу, так и по единичной величине города). Явный «дефицит» круп-

ных городов обнаруживается при сравнении реальной городской системы с широко известной кривой Ципфа.

Например, в Свердловской области при численности жителей Екатеринбурга в рассматриваемом периоде около 1468,8 тыс. чел. «второй» город теоретически должен был бы иметь размер около 735 тыс. чел. (фактически население Нижнего Тагила составляло 354 тыс. чел.), «третий» – около 490 тыс. чел. (население Каменск-Уральского – менее 170 тыс. чел.). Следовательно, распределение российских городов не соответствует кривой Ципфа не только на национальном уровне, что уже хорошо известно [15], но и на региональном и макрорегиональном.

По-видимому, объяснение этого факта должно быть аналогичным – централизованное планирование в советский период, установившее нетипичные для стран со зрелой рыночной экономикой межгородские пропорции. Характерные для Урала «города-заводы» в редких случаях должны были превышать отметку в 250 тыс. чел., максимум 500 тыс. чел. (близок к этому был лишь Магнитогорск). «Вторых» крупных городов с численностью населения более 500 тыс. чел., с развитой сферой услуг появиться не могло, поскольку соответствующие функции сосредоточивались исключительно в областном центре под влиянием административного фактора. К этому нужно добавить, что кризисные явления и экономические преобразования в новейшей истории России вызвали опережающее снижение пространственной значимости обычно чисто индустриальных крупных и больших городов Урала.

Более того, в настоящем исследовании речь идет о географически компактном по российским меркам Урале, где система расселения среди макрорегионов оценивается как сбалансированная и полицентричная. В таких макрорегионах, как Сибирь и Дальний Восток, значимость крупных и больших городов еще ниже, что приводит к негативным последствиям, деформациям национального экономического пространства, его чрезмерной концентрации и разрывам. Низкая пространственная значимость крупных и больших городов может рассматриваться как система с отрицательной обратной связью: отток населения и ресурсов оставляет за ними лишь традиционную ин-

дустрию и адекватную ей структуру торговли и услуг, что вновь стимулирует уход человеческого, финансового и социального капитала.

В связи с этим необходимо обратить внимание на крайнюю несбалансированность позиций крупных и больших городов по численности населения с аналогичными показателями по выпуску промышленной продукции. В исследовании рассматривается соответствующий индикатор по обрабатывающим производствам, поскольку другие виды экономической деятельности или являются производными от численности населения, или зависят от наличия полезных ископаемых. В таблице 2 представлено отношение удельного веса крупных и больших городов Урала в объеме отгруженной продукции обрабатывающих производств к аналогичному показателю по численности населения.

Данный показатель можно условно назвать «индексом индустриальной специализации» по аналогии с хорошо известным коэффициентом специализации региона по отраслям. Индекс демонстрирует, во сколько раз удельный вес группы городов в отгрузке промышленной продукции превышает ее удельный вес в численности населения. Из цифр, приведенных в табл. 2, видно, что значимость крупных и больших городов Урала в выпуске продукции обрабаты-

Таблица 2

Индексы индустриальной специализации групп городов Уральского макрорегиона

Субъект РФ	Крупнейшие города	Крупные города	Большие города	Крупные и большие города
Республика Башкортостан	1,88	1,25	2,33	1,88
Пермский край	1,48	–	3,11	3,11
Оренбургская обл.	–	1,20	0,80	1,09
Свердловская обл.	0,69	2,00	1,55	1,76
Челябинская обл.	1,02	2,87	0,40	1,54

Источник: рассчитано автором по данным табл. 1.

вающих производств очень высока (около 30–45% в большинстве регионов) и значительно опережает концентрацию населения.

Более интересен тот факт, что крупные и большие города Урала вносят в общий объем выпуска обрабатывающих производств вклад, в 1,5–3 раза больший по сравнению с численностью населения. Наблюдается существенный дисбаланс демографической и «производственной» пространственной значимости крупных и средних городов Урала. В качестве индустриальных центров они играют важную, нередко определяющую роль.

Объяснения этого факта связаны с группой причин: с существованием в крупных и больших городах экономии от локализации, позволяющей городам с меньшей численностью населения обеспечивать высокую производительность в отдельных отраслях [8], с преобладанием в структуре городской экономики промышленного производства при минимальных удельных весах даже торговли и сервиса, со снижением трудоемкости обрабатывающих производств под влиянием научно-технического прогресса.

Прогнозировать перспективу в данной сфере можно на основе анализа структуры инвестиций в основной капитал. По удельному весу крупных и больших городов можно выделить две ситуации: доля в инвестициях в основной капитал составляет около 10–15% (Республика Башкортостан, Пермский край, Свердловская область) или 30% и более (Оренбургская и Челябинская области). В Челябинской области на пространственную структуру инвестиций влияет Магнитогорский металлургический комбинат (этот регион, кстати, ближе всего по соотношению численности населения городов к кривой Ципфа).

Но чаще всего удельный вес крупных и больших городов в структуре инвестиций близок к аналогичному показателю по численности населения. Отношение удельного веса крупных и больших городов Урала в структуре инвестиций в основной капитал региона к аналогичному показателю по численности населения имеет следующие значения: в Республике Башкортостан – 0,88, в Пермском крае – 1,35, в Оренбургской области – 1,41, в Свердловской области – 0,84, в Челябинской области – 1,48.

При сопоставлении этих значений с данными табл. 1 напрашивается вывод о несоответствии межгородских пропорций инвестиций в основной капитал вкладу в объем промышленного производства. Даже при том, что инвестиции осуществляются по всему кругу видов экономической деятельности, можно наблюдать недостаточный объем капитальных вложений в крупных и средних городах. В перспективе сохранение такой ситуации приведет к сужению производственных возможностей крупных и больших городов, что резко ухудшит их позиции также в структуре промышленного производства. Таким образом, существуют риски дальнейшего снижения пространственной значимости данных групп городов.

Далее остановимся на двух индикаторах, связанных с использованием результатов экономического развития, уровнем жизни, потреблением в крупных и больших городах (оборот розничной торговли и ввод жилых домов). Для этого также рассчитаем отношения удельных весов крупных и больших городов Урала в данных показателях к доле в численности населения (табл. 3).

Позиции крупных и больших городов по уровню потребления в большинстве случаев диссонируют с их демографической и экономической значимостью. В крупнейших городах доля в обороте розничной торговли ожидаемо превышает долю в численности населения в 1,5–2 раза, на крупные и большие города в большинстве случаев приходится 10–20% оборота. Столь значительный разрыв свидетельствует не только о более высоком уровне доходов в городах-миллионниках, но также о не вполне нормальной концентрации торговли в областных центрах. Даже в крупных и больших городах торговля все больше концентрируется на самых необходимых товарах повседневного спроса среднего качества, а кроме того, в силу эффекта масштаба цены в областных центрах на ряд товаров могут быть ниже.

Даже у крупных городов удельный вес в обороте розничной торговли составляет меньшую величину, чем доля в численности населения. Это явно ненормальное явление, свидетельствующее о том, что даже данная группа городов (вторая по значимости после миллионников) перестает выполнять функции торгового обслуживания

Таблица 3

Показатели отношения удельных весов групп городов Уральского макрорегиона в структуре оборота розничной торговли, ввода жилых домов к удельному весу в численности населения

Субъект РФ	Крупнейшие города	Крупные города	Большие города	Крупные и большие города
<i>Отношение удельного веса в обороте розничной торговли к удельному весу в численности населения</i>				
Республика Башкортостан	2,01	1,06	0,85	0,94
Пермский край	1,50	–	1,24	1,24
Оренбургская обл.	–	1,88	0,85	1,59
Свердловская обл.	1,80	0,77	0,63	0,70
Челябинская обл.	1,67	0,99	0,72	0,84
<i>Отношение удельного веса во вводе жилых домов к удельному весу в численности населения</i>				
Республика Башкортостан	0,99	0,65	0,74	0,71
Пермский край	1,23	–	1,04	1,04
Оренбургская обл.	–	1,78	0,25	1,34
Свердловская обл.	1,38	0,36	0,58	0,48
Челябинская обл.	1,44	0,62	0,67	0,65

Источник: рассчитано автором по данным табл. 1.

близлежащих районов, которые «замыкаются» на областной центр. Seriously нарушена иерархия функций поселений различного уровня.

Такой показатель, как ввод жилых домов, характеризует перспективы уровня жизни и в определенной степени миграционные перспективы. Строительство жилья свидетельствует о позитивных ожиданиях многих заинтересованных сторон. Кроме того, с точки зрения теории потребность в жилье может быть более пространственно сбалансированной, чем оборот розничной торговли. Однако данные табл. 3 говорят об обратном. Пространственная значимость крупных и больших городов как центров строительства весьма низка.

С одной стороны, отношение удельного веса во вводе жилых домов и доли в численности населения у крупнейших городов ниже, чем это имело место в случае с розничной торговлей (1,23–1,44). Но у крупных и больших городов несоответствие ввода жилья численности населения проявляется еще более ярко, чем по другим показателям. Так, в крупных городах Урала доля ввода жилья ниже доли численности населения в 1,6–2,8 раза. Это, как и значительное отставание по инвестициям в основной капитал, позволяет прогнозировать дальнейшее снижение пространственной значимости таких городов. В их перспективы не верят ни застройщики, ни инвесторы, ни население. Как и в случае с розничной торговлей, заработанные в промышленности деньги тратятся на жилье в крупнейших городах.

Обратимся к сопоставлению данных о значимости больших и крупных городов в динамике. Для этого сравним данные 2017 г. с данными 2007 г. (табл. 4). На пространственные позиции крупных и больших городов Урала в 2007–2017 гг. повлияли как кризисные факторы, так

Таблица 4

**Изменение удельного веса групп городов Уральского макрорегиона
в показателях социально-экономического развития, 2017 г.
по отношению к 2007 г.**

Показатель	Крупнейшие города	Крупные города	Большие города	Крупные и большие города
<i>Республика Башкортостан</i>				
ЧН	+2,4	+0,3	+0,4	+0,7
ТО	+11,4	-2,2	+1,1	-1,1
ПЖ	+2,9	-1,2	-6,2	-7,4
РТ	-4,2	-0,7	-1,1	-1,8
И	-5,5	-0,5	-3,5	-4,0
<i>Пермский край</i>				
ЧН	+3,8	-	-4,6	-4,6
ТО	-10,1	-	-5,1	-5,1

Позиции крупных и больших городов в пространственных трансформациях
регионов России: кейс Урала

Окончание табл. 4

Показатель	Крупнейшие города	Крупные города	Большие города	Крупные и большие города
ПЖ	-2,0	-	+6,4	+6,4
РТ	-15,3	-	+0,1	+0,1
И	-7,7	-	-1,7	-1,7
<i>Оренбургская обл.</i>				
ЧН	-	+4,5	-4,6	-0,1
ТО	-	+10,3	-3,3	+7,0
ПЖ	-	+18,7	-59,3	-40,6
РТ	-	-10,3	-3,0	-13,3
И	-	+7,6	-5,4	+2,2
<i>Свердловская обл.</i>				
ЧН	+3,6	-0,2	+1,9	+1,7
ТО	+12,0	+1,6	+2,8	+4,4
ПЖ	+5,2	-4,2	0,0	-4,2
РТ	-4,4	+1,1	+0,6	+1,7
И	-6,2	-1,5	-0,2	-1,7
<i>Челябинская обл.</i>				
ЧН	+3,3	+0,2	-0,3	-0,1
ТО	+5,7	+2,3	-1,9	+0,4
ПЖ	+0,7	-4,6	-2,2	-6,8
РТ	-0,1	-3,3	+1,0	-2,3
И	+11,4	-8,2	-4,8	-13,0

Источник: составлено автором по: *Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2018 г.*: Стат. сб. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_14t/Main.htm ; *Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2008 г.*: Стат. сб. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b08_14t/Main.htm .

и долговременные тренды перераспределения населения и ресурсов. Приведенные в табл. 4 сведения показывают, что представления о «негативном выравнивании» [4] актуальны не для всех регионов Урала. В большинстве случаев позиции крупных и больших городов ухудшились по сравнению с позициями крупнейших.

«Негативное выравнивание» коснулось скорее уровня потребления, нежели экономического развития миллионников. Так, Уфа, Пермь, Екатеринбург продемонстрировали снижение своих долей в совокупном региональном обороте розничной торговли и вводе жилых домов, но в экономическом измерении (инвестиции, выпуск) позиции миллионников в основном укрепились. Во всех случаях численность населения крупнейших городов возросла. А крупные и большие города Урала в большинстве случаев ослабили свои демографические, социальные и экономические позиции, хотя в отдельных регионах наблюдались исключения.

Демографическая ситуация в крупных и больших городах по сравнению с остальными была как минимум нестабильной и не имела выраженного тренда на фоне непропорционально низкой численности населения в этой группе городов. Рост инвестиций в большинстве случаев не привел к адекватному росту выпуска к 2017 г. – вследствие того, что часть инвестиций направлялась в иные, чем обрабатывающие производства, виды деятельности, а также вследствие недостаточной отдачи от инвестиций. Поэтому слабая позиция данной группы городов в инвестиционном поле регионов не случайна и обусловлена реакцией инвесторов на недостаточную отдачу.

Довольно интересна в этом плане специфика Свердловской области, где изменение позиций единственного крупнейшего города по сравнению с крупными и большими городами весьма многопланово, однозначного снижения пространственной значимости последних не происходит (табл. 5). Это обусловлено разными траекториями развития отдельных городов. В частности, Каменск-Уральский столкнулся с типичными проблемами регионального промышленного города – с сокращением численности населения и снижением практически всех показателей экономического развития, за исключением инвестиций. Во многом это объясняется оттоком населения и капитала в Екатеринбург и другие крупные центры. Скорее всего, даже

Таблица 5

**Изменение удельного веса отдельных городов Свердловской области
в показателях социально-экономического развития, 2017 г.
по отношению к 2007 г.**

Показатель	Екатеринбург	Каменск-Уральский	Нижний Тагил	Первоуральск
ЧН	+3,6	-0,3	0,2	-0,2
ТО	+12,0	-2,2	-4,2	-0,4
ПЖ	+5,2	-1,4	-1,5	0,1
РТ	-4,4	-0,7	1,1	0,1
И	-6,2	+2,3	1,6	-0,8

Источник: составлено автором по: *Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2018 г.:* Стат. сб. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_14t/Main.htm ; *Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2008 г.:* Стат. сб. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b08_14t/Main.htm .

некоторый рост по удельному весу инвестиций в основной капитал (основная их часть связана с металлургией) не приведет к устойчивости пространственных позиций, негативные тенденции сохранятся.

Иная ситуация в Нижнем Тагиле: снижение значимости города как промышленного центра сопровождается ростом удельного веса по обороту розничной торговли и инвестициям (которые направляются в постиндустриальные виды экономической деятельности). Можно говорить о некоторых тенденциях формирования в Нижнем Тагиле постиндустриального центра, создающих условия для развития «второго» города, более соответствующего закону Ципфа. Произошедшие изменения обусловлены тем, что это не только второй по размеру город Свердловской области, но и региональный субцентр, к которому тяготеют Верхняя Салда, Краснотурьинск и другие малые города. Что касается Первоуральска, то некоторое усиление позиций по обороту розничной торговли и вводу жилья при более акцентированном снижении других показателей обусловлено, судя по всему, его вхождением в агломерацию Екатеринбурга с выраженной маятниковой миграцией жителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространственные позиции крупных и больших городов Урала оказываются достаточно слабыми и отличаются преимущественно негативной динамикой. Удельный вес данной группы городов в численности населения свидетельствует о серьезных диспропорциях разных типов поселений в пространстве уральских регионов. Однако удельные веса крупных и больших городов в обороте розничной торговли и вводе жилых домов еще ниже, чем в численности населения, что указывает на утрату этими городами своих функций в полицентрической системе расселения.

Вместе с тем удельный вес крупных и больших городов Урала в выпуске продукции обрабатывающих производств значительно превышает их долю в численности населения. Следовательно, почти единственным «якорем», удерживающим позиции крупных и больших городов, является традиционная индустрия. В период 2007–2017 гг. позиции данной группы городов скорее ухудшились. При относительно стабильной доле населения снизились как показатели потребления – оборот розничной торговли, ввод жилых домов, так и инвестиции в основной капитал. Все это указывает на негативные перспективы крупных и больших городов при сохранении существующей ситуации, на продолжающуюся деструкцию полицентрической системы расселения.

Среди потенциальных факторов изменения положения дел могут быть названы, по всей видимости, не столько стимулирование в таких городах традиционного промышленного производства и инвестиций, сколько развитие торговли, бытового обслуживания, сферы услуг, социально-культурных индустрий и восстановление традиционных для крупных и больших городов функций «центров комплексного обслуживания» населения близлежащих территорий. В рамках же сугубо экономической стратегии наибольшим потенциалом может обладать развитие новых производств на базе существующих компетенций (как в свое время это произошло в британском Шеффилде, который специализировался на производстве режущего инструмента, но затем переключился на производство материалов для ветроэнергетики).

Перспективы дальнейших исследований роли крупных и больших городов будут связаны как с расширением полигона исследования,

так и с углубленным анализом отдельных кейсов таких городов, с выделением групп и кластеров городов с типичными паттернами динамики, зависящими от различных факторов, с выявлением позитивного опыта тех регионов и макрорегионов, где позиции городов различных типов более сбалансированны.

Список источников

1. *Анимца Е.Г.* Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // *Ars Administrandi. Искусство управления.* – 2013. – № 1. – С. 82–86.
2. *Бойкова М.В., Ильина И.Н., Салазкин М.Г.* Будущее городов: города как агенты глобализации и инноваций // *Форсайт.* – 2011. – Т. 5, № 4. – С. 32–48. DOI: 10.17323/1995-459X.2011.4.32.48.
3. *Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К.* Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // *Пространственная экономика.* – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 184–204. DOI: 10.14530/se.2019.4.184-204.
4. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Развитие больших городов России в 2010-х годах // *Региональные исследования.* – 2019. – № 1. – С. 39–51. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-4.
5. *Изотов Д.А.* Экономический рост и урбанизация в России: региональный аспект // *Регион: экономика и социология.* – 2017. – № 3 (95). – С. 69–92. DOI: 10.15372/REG20170304.
6. *Корчагина И.В., Сычёва-Передеро О.В.* Потенциал технологического предпринимательства как фактор диверсификации экономики территории // *Региональная экономика. Юг России.* – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 4–12. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.4.1.
7. *Корчагина И.В., Сычёва-Передеро О.В., Корчагин Р.Л.* Чем различаются инновационные экосистемы регионов-лидеров и аутсайдеров // *ЭКО.* – 2019. – Т. 49, № 12. – С. 47–64. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-12-47-64.
8. *Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С.* Экономическая урбанизация. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2018. – 418 с.
9. *Криничанский К.В.* Современный российский город в свете тенденций урбанистического мира // *Региональная экономика: теория и практика.* – 2013. – № 32. – С. 2–13.
10. *Кузнецова О.В.* Структурные сдвиги в занятости и качестве жизни российских городов-миллиоников // *Проблемы прогнозирования.* – 2017. – № 6. – С. 121–131.
11. *Ланно Г.М.* Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // *Известия РАН. Сер. географическая.* – 2019. – № 4. – С. 3–23. DOI: 10.31857/S2587-5566201943-23.
12. *Нефедова Т.Г., Тревиши А.И.* Перестройка расселения в современной России: урбанизация и дезурбанизация // *Региональные исследования.* – 2017. – № 2. – С. 12–23.

13. *Секушина И.А.* Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2019. – № 2. – С. 84–93. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-2-84-93.

14. *Трейвиш А.И.* Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 13–35. DOI: 10.14530/se.2019.4.013-035.

15. *Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В.* Анализ и моделирование тенденций развития системы территориального расселения в России // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 436–450. DOI: 10.17059/2019-2-10.

16. *Brülhart M., Sbergami F.* Agglomeration and growth: Cross-country evidence // Journal of Urban Economics. – 2009. – Vol. 65, No. 1. – P. 48–63. DOI: 10.1016/j.jue.2008.08.003.

17. *Czerny M., Czerny A.* Spatial structure of the economy – the evolution of nodes and networks in South and Central America // Miscellanea Geographica. – 2019. – Vol. 23, No. 4. – P. 225–234. DOI: 10.2478/mgrsd-2019-0022.

18. *Dumont G.-F.* Urban demographic transition // Urban Development Issues. – 2018. – Vol. 56, No. 4. – P. 13–25. DOI: 10.2478/udi-2018-0009.

19. *Farrell K., Westlund H.* China’s rapid urban ascent: an examination into the components of urban growth // Asian Geographer. – 2018. – Vol. 35, No. 1. – P. 85–106. DOI: 10.1080/10225706.2018.1476256.

20. *Franklin R.S.* The demographic burden of population loss in US cities, 2000–2010 // Journal of Geographical Systems. – 2019. – Vol. 21, No. 10. – P. 1–22. DOI: 10.1007/s10109-019-00303-4.

21. *Gerten C., Fina S., Rusche K.* The sprawling planet: Simplifying the measurement of global urbanization trends // Frontiers in Environmental Science. – 2019. – Vol. 7. – Article number 140. DOI: 10.3389/fenvs.2019.00140.

22. *Glaeser E.L.* Urban colossus: Why is New York America’s largest city? // FRBNY Economic Policy Review. – 2005. – No. 12. – P. 7–24.

23. *Görmar F., Harfst J.* Path renewal or path dependence? The role of industrial culture in regional restructuring // Urban Science. – 2019. – Vol. 3, No. 4. DOI: 10.3390/urbansci3040106.

24. *Guedes G., Costa S., Brondizio E.* Revisiting the hierarchy of urban areas in the Brazilian Amazon: a multilevel approach // Population and Environment. – 2017. – Vol. 30, No. 4-5. – P. 159–192. DOI: 10.1007/s11111-009-0083-3.

25. *Leynseele Y.V., Bontje M.* Visionary cities or spaces of uncertainty? Satellite cities and new towns in emerging economies // International Planning Studies. – 2019. – Vol. 24, No. 3-4. P. 207–217. DOI: 10.1080/13563475.2019.1665270.

26. *Mayer H., Knox P.L.* Slow cities: Sustainable places in a fast world // Journal of Urban Affairs. – 2006. – Vol. 28, No. 4. – P. 321–334.

27. *Morgan K.* The learning region: Institutions, innovation and regional renewal // Regional Studies. – 2007. – Vol. 31, No. 5. – P. 491–503. DOI: 10.1080/00343409750132289.

28. *Smith M.E., Lobo J.* Cities through the ages: One thing or many? // Frontiers in Digital Humanities. – 2019. – Vol. 6, No. 12. DOI: 10.3389/fdigh.2019.00012.

29. Wan J., Li Y., Tan Z. Exploring how to lead the transformation of small and medium-sized cities by integration of multi planning: Case study of Jieshou City, Anhui Province, China // International Review for Spatial Planning and Sustainable Development. – 2018. – Vol. 6, No. 3. – P. 141–153. DOI: 10.14246/irspda.6.3_141.

30. Zhao S.H., Guo N.S., Li C.L., Smith C. Megacities, the world's largest cities unleashed: Major trends and dynamics in contemporary global urban development // World Development. – 2017. – Vol. 98, No. 10. – P. 257–289. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.04.038.

Информация об авторе

Власова Наталья Юрьевна (Екатеринбург, Россия) – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62/45). E-mail: vnj@usue.ru.

DOI: 10.15372/REG20220109

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 1 (113), p. 263–288

N.Yu. Vlasova

POSITIONS OF LARGE AND BIG CITIES IN SPATIAL TRANSFORMATIONS OF REGIONS OF RUSSIA: CASE OF THE URALS

This article examines the positions of large cities (250–1,000 thousand people) and towns (100–250 thousand people) in regions' economic space drawing on the example of the Ural macro region. We assess spatial significance in terms of specific weights in population size, investment, the volume of manufacturing output, retail trade turnover, and the commissioning of residential buildings. All indicators are found to have disproportions, which testifies to a violated spatial structure and a deformed economic space. Large cities and towns in the Urals are characterized by low population density, and their shares in the retail trade turnover and the commissioning of residential buildings are lower than shown by demographic indicators. The traditional industry is the only proverbial "anchor" that maintains the existing settlement structure. Compared to 2007, 2017 saw the spatial significance of large cities and towns in the Urals decreased. Such urban localities cease to function as trade and service centers for neighboring regions. Preserving the status quo

poses the risks of growing imbalance in the national economic space and requires the advanced development of large cities and towns.

Keywords: economic space; largest cities; large cities; big cities; urbanization; the Urals; spatial significance; region

For citation: *Vlasova, N.Yu.* (2022). Pozitsii krupnykh i bolshikh gorodov v prostranstvennykh transformatsiyakh regionov Rossii: keys Urala [Positions of large and big cities in spatial transformations of regions of Russia: case of the Urals]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (113), 263–288. DOI: 10.15372/REG20220109.

References

1. *Animitsa, E.G.* (2013). Krupneyshie goroda Rossii v kontekste globalnykh urbanizatsionnykh protsessov [Russian megapolises and global urbanisation processes]. *Ars Administrandi. Iskustvo upravleniya* [Ars Administrandi], 1, 82–86.
2. *Boykova, M.V., I.N. Ilyina & M.G. Salazkin.* (2011). Budushchee gorodov. Goroda kak agenty globalizatsii i innovatsiy [Urban futures: cities as agents of globalization and innovation]. *Forsayt* [Foresight and STI Governance], Vol. 5, No. 4, 32–48. DOI: 10.17323/1995-459X.2011.4.32.48.
3. *Zhikharevich, B.S. & T.K. Pribyshin.* (2019). Strategii razvitiya gorodov: rossiyskaya praktika 2014–2019 gg. [Urban development strategies: Russian practice 2014–2019]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 15, No. 4, 184–204. DOI: 10.14530/se.2019.4.184-204.
4. *Zubarevich, N.V. & S.G. Safronov.* (2019). Razvitie bolshikh gorodov Rossii v 2010-kh godakh [Russia largest cities development in 2010s]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 1, 39–51. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-4.
5. *Izotov, D.A.* (2017). Ekonomicheskiy rost i urbanizatsiya v Rossii: regionalny aspekt [Economic growth and urbanization of Russian regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (95), 69–92. DOI: 10.15372/REG20170304.
6. *Korchagina, I.V. & O.V. Sychyova-Peredero.* (2019). Potentsial tekhnologicheskogo predprinimatelstva kak faktor diversifikatsii ekonomiki territorii [Technological entrepreneurship potential as a diversification factor of the territory's economy]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], Vol. 7, No. 4, 4–12. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.4.1.
7. *Korchagina, I.V., O.V. Sychyova-Peredero & R.L. Korchagin.* (2019). Chem razlichayutsya innovatsionnye ekosistemy regionov–liderov i outsayderov [The difference between innovative systems of leader and outsider regions]. *EKO* [ECO], Vol. 49, No. 12, 47–64. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-47-64.
8. *Kosareva, N.B., T.D. Polidi & A.S. Puzanov.* (2018). Ekonomicheskaya urbanizatsiya [Economic Urbanization]. Moscow, Fund “Institute of Urban Economics”, 418.

9. *Krinichansky, K.V.* (2013). *Sovremennyy rossiyskiy gorod v svete tendentsiy urbanisticheskogo mira* [Modern Russian city in tendencies of urbanistic world]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 32, 2–13.

10. *Kuznetsova, O.V.* (2017). *Strukturnye sdvigi v zanyatosti i kachestve zhizni rossiyskikh gorodov–millionikov* [Structural changes in employment and the quality of life of the populations of Russian million-plus cities]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 6, 121–131.

11. *Lappo, G.M.* (2019). *Raznoobrazie gorodov kak faktor uspehnogo prostranstvennogo razvitiya Rossii* [Diversity of cities as a factor of Russia's successful spatial development]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 4, 3–23. DOI: 10.31857/S2587-5566201943-23.

12. *Nefedova, T.G. & A.I. Treyvish.* (2017). *Perestroyka rasseleniya v sovremennoy Rossii: urbanizatsiya i dezurbanizatsiya* [The transformation of settlement in modern Russia: urbanization or de-urbanization?]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 2, 12–23.

13. *Sekushina, I.A.* (2019). *Teoreticheskie podkhody k klassifikatsii malyykh i srednikh gorodov Rossii* [Theoretical approaches to the classification of small and medium-sized cities of Russia]. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific bulletin of the southern institute of management], 2, 84–93. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-2-84-93.

14. *Treyvish, A.I.* (2019). *Neravnomernost i strukturnoe raznoobrazie prostranstvennogo razvitiya ekonomiki kak nauchnaya problema i rossiyskaya realnost* [Uneven and structurally diverse spatial development of economy as a scientific problem and Russian reality]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 15, No. 4, 13–35. DOI: 10.14530/se.2019.4.013-035.

15. *Fattakhov, R.V., M.M. Nizamutdinov & V.V. Oreshnikov.* (2019). *Analiz i modelirovanie tendentsiy razvitiya sistemy territorialnogo rasseleniya v Rossii* [Analysing and modelling of trends in the development of the territorial settlement system in Russia]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], Vol. 15, No. 2, 436–450. DOI: 10.17059/2019-2-10.

16. *Brühlhart, M. & F. Sbergami.* (2009). *Agglomeration and growth: Cross-country evidence.* *Journal of Urban Economics*, Vol. 65, No. 1, 48–63. DOI: 10.1016/j.jue.2008.08.003.

17. *Czerny, M. & A. Czerny.* (2019). *Spatial structure of the economy – the evolution of nodes and networks in South and Central America.* *Miscellanea Geographica*, Vol. 23, No. 4, 225–234. DOI: 10.2478/mgrsd-2019-0022.

18. *Dumont, G.-F.* (2018). *Urban demographic transition.* *Urban Development Issues*, Vol. 56, No. 4, 13–25. DOI: 10.2478/udi-2018-0009.

19. *Farrell, K. & H. Westlund.* (2018). *China's rapid urban ascent: an examination into the components of urban growth.* *Asian Geographer*, Vol. 35, No. 1, 85–106. DOI: 10.1080/10225706.2018.1476256.

20. *Franklin, R.S.* (2019). *The demographic burden of population loss in US cities, 2000–2010.* *Journal of Geographical Systems*, Vol. 21, No. 10, 1–22. DOI: 10.1007/s10109-019-00303-4.

21. *Gerten, C., S. Fina & K. Rusche.* (2019). The sprawling planet: Simplifying the measurement of global urbanization trends. *Frontiers in Environmental Science*, 7. Article number 140. DOI: 10.3389/fenvs.2019.00140.

22. *Glaeser, E.L.* (2005). Urban colossus: Why is New York America's largest city? *FRBNY Economic Policy Review*, 12, 7–24.

23. *Görmar, F. & J. Harfst.* (2019). Path renewal or path dependence? The role of industrial culture in regional restructuring. *Urban Science*, Vol. 3, No. 4. DOI: 10.3390/urbansci3040106.

24. *Guedes, G., S. Costa & E. Brondízio.* (2017). Revisiting the hierarchy of urban areas in the Brazilian Amazon: a multilevel approach. *Population and Environment*, Vol. 30, No. 4-5, 159–192. DOI: 10.1007/s11111-009-0083-3.

25. *Leynseele, Y.V. & M. Bontje.* (2019). Visionary cities or spaces of uncertainty? Satellite cities and new towns in emerging economies. *International Planning Studies*, Vol. 24, No. 3-4, 207–217. DOI: 10.1080/13563475.2019.1665270.

26. *Mayer, H. & P.L. Knox.* (2006). Slow cities: Sustainable places in a fast world. *Journal of Urban Affairs*, Vol. 28, No. 4, 321–334.

27. *Morgan, K.* (2007). The learning region: Institutions, innovation and regional renewal. *Regional Studies*, Vol. 31, No. 5, 491–503. DOI: 10.1080/00343409750132289.

28. *Smith, M.E. & J. Lobo.* (2019). Cities through the ages: One thing or many? *Frontiers in Digital Humanities*, Vol. 6, No. 12. DOI: 10.3389/fdigh.2019.00012.

29. *Wan, J., Y. Li & Z. Tan.* (2018). Exploring how to lead the transformation of small and medium-sized cities by integration of multi planning: Case study of Jieshou City, Anhui Province, China. *International Review for Spatial Planning and Sustainable Development*, Vol. 6, No. 3, 141–153. DOI: 10.14246/irspdsda.6.3_141.

30. *Zhao, S.H., N.S. Guo, C.L. Li & C. Smith.* (2017). Megacities, the world's largest cities unleashed: Major trends and dynamics in contemporary global urban development. *World Development*, Vol. 98, No. 10, 257–289. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.04.038.

Information about the author

Vlasova, Natalya Yurievna (Ekaterinburg, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor at the Department for Regional, Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta st., Ekaterinburg, 620144, Russia). E-mail: vnj@usue.ru.

Поступила в редколлегию 02.04.2021.

После доработки 12.07.2021.

Принята к публикации 16.07.2021.